

**АЛЕКСАНДР
БЕЛЯЕВ**

ШТОРМ

Александр Романович Беляев

Шторм

Аннотация

«– Поздравляю!

– От души поздравляю! Тебе повезло, Левка. Со школьной скамьи и, можно сказать, прямо в капитаны воздушного корабля.

– Ну, корабль-то мой на привязи! – со смехом ответил Леопольд Миллер.

– Ему вдвойне повезло. Слушайте! Не перебивайте! – старался перекричать всех черноволосый живой Дунский. – Во-первых, этокое назначение...

– По заслугам, брат!..»

Александр Беляев

Шторм

– Поздравляю!

– От души поздравляю! Тебе повезло, Левка. Со школьной скамьи и, можно сказать, прямо в капитаны воздушного корабля.

– Ну, корабль-то мой на привязи! – со смехом ответил Леопольд Миллер.

– Ему вдвойне повезло. Слушайте! Не перебивайте! – старался перекричать всех черноволосый живой Дунский. – Во-первых, этакое назначение...

– По заслугам, брат!..

– Подожди, не перебивай, Завачкин! Во-первых, этакое назначение, а во-вторых, этакая помощница. Ты будешь идиот, Левка, если не предложишь Зое руку и сердце. И я бы на твоём месте никогда не спускался на землю. Вы будете небожителями. Вы сможете пользоваться безоблачным счастьем – ведь твой «Кондор» парит выше облаков. А ты, Зойка, ты станешь родоначальницей нового человечества, рожденного на небе!

– Захватите с собой только хорошую няньку, чтоб ваш будущий воздушный младенец не упал с высоты тысячи километров!

– Да будет вам! – смеялась Зоя, встряхивая русоволосой

стриженной головой. – Я не собираюсь замуж, и Левка мне совсем не нравится.

– Ну, это положим!

– Любовь и запах мускуса нельзя скрыть, как говорит восточная пословица!

– Летите на аэроплане? – спросил Орлов.

– Нет, едем на электричке, – ответил Миллер.

– Такая отсталость! Воздушному человеку не пристало ползать по земле.

– Рожденный летать ползать не умеет, или как там...

– Мне по пути надо захватить кое-какой материал.

– Смотри, чтобы тебя румыны не подстрелили. На самой почти границе висеть в воздухе будешь!

Миллер поднялся.

– Ну, ребята, мне пора. Спасибо за пожелания и горячие проводы. Перед дорогой надо уложиться, написать кое-какие письма. Зоя, ты прямо на вокзал?

– Мне недолго собраться, – ответила девушка.

– Эх, Зойка, осиротеет мы без тебя!

– Приезжайте в гости.

– Приедем! Спасибо! Прощайте! Счастливого пути!

– Прощайте! Прощайте!

Скромная пирушка окончилась. Миллер вернулся к себе в маленькую комнатку на пятом этаже.

– Вам письмо, Леопольд Иванович! – сказала пожилая женщина, соседка Миллера по квартире.

Письмо было от матери.

«Дорогой Лева! – писала Эльвира Карловна крупным, размашистым почерком. – Не знаю, что мне больше, радоваться или горевать. Я рада твоему окончанию института и назначению. Ты – инженер. Выбился на дорогу. Но разве нет хороших мест на земле? Почему тебе предложили такую службу? У тебя может закружиться голова, и ты упадешь с твоей воздушной мельницы. Я предпочитала бы, чтобы ты был, как твой отец, простым монтером, но земным, а не воздушным инженером. Это опасно. И я не пойму, зачем это нужно. Растолкуй ты мне, пожалуйста, глупой старухе, почему нельзя было установить твою машину на земле? Ветер везде дует. Ты пишешь о Зое. Она хорошая девушка. А уж девушке-то совсем не пристало на воздушных змейках жить. И она туда же! Женился бы на ней и жил на земле, как все люди. А то внук родится, и не поглядишь на него. Не лезть же мне, старухе, под облака!»

«И она о том же! – улыбаясь, подумал Миллер. – О детях, рожденных в небе...»

«И еще одно беспокоит меня, – продолжала писать мать. – У нас говорят о войне. А если будет война да прилетят румынские или польские аэропланы. А тебе на твоём привязанном воздушном змее и деваться некуда. Будут в твой шар стрелять, как в висящую бутылку в тире. И тебе некуда деваться. На земле все-таки безопасней и во время войны»...

Левка откинулся на спинку стула, подумал и написал ма-

тери:

«Mutti! Ты спрашиваешь меня, почему людям понадобилось устраивать свои машины „на небе“. Постараюсь объяснить так, чтобы тебе было понятно.

Ты помнишь, мы с тобой читали роман Уэллса „Когда спящий пробуждается“? Этот самый Уэллс в первые годы нашей революции был в России, вернувшись к себе в Англию, написал книгу „Россия во мгле“. В книге этой Уэллс удивлялся „кремлевским мечтателям“, – как это они затевают электрифицировать страну равнинную, с медленным течением рек. Где они возьмут энергию? Фантасту, мечтателю, провидцу будущего – Уэллсу не пришла в голову мысль, что для добывания электричества может быть использована не только энергия воды, но и ветра. Эта недогадливость тем более странна, что сам Уэллс в романе, который мы читали с тобой, описывает ветросиловые турбины, снабжающие энергией Лондон. Но ведь ветер может дать энергию для электрификации не только одного города, а и целого земного шара. Уэллс, вероятно, полагал, что нам не удастся „взять и ветер в большевистский оборот“. Но Уэллс ошибся в этом, как и во многом другом.

Энергия ветра необъятна. По самым приблизительным подсчетам, энергия, которую могло бы получить человечество от ветра в течение года, превосходит все мировые запасы. По одной только европейской части Союза можно было бы в год получить энергию, равную двум миллиардам ста

пятидесяти миллионам тонн угля. Тебе эта цифра станет понятнее, если я укажу, что за первую пятилетку вся наша добыча топлива в переводе на уголь составила всего сто сорок миллионов тонн.

Нам нужно огромное количество энергии – не менее шестидесяти миллионов киловатт. Мы пускаем и отчасти уже пустили главнейшие наши водные источники энергии: Днепр, Ангару, Енисей, Волгу... Один Енисей дает нам восемь миллионов киловатт. Но энергия рек все же имеет предел. И вот на помощь рекам должен прийти ветер.

Вся беда, однако, в том, что ветер – самая капризная, самая непостоянная стихия. Это ненадежный источник энергии. Ветер то дует, то перестает дуть. А нет ветра – стоят и электростанции. Ты скажешь: значит, Уэллс был прав. Нет, он оказался плохим пророком и угадчиком. Мы посрамили и ветер, и Уэллса.

Дело в том, что ветер капризничает только над самой поверхностью земли. На высоте же примерно пятисот метров дует постоянный, никогда не утихающий ветер. Воздушная Ниагара. Неисчерпаемый источник энергии. Если даже ветер утихает на высоте пятисот метров, он дует несколько выше. И чем выше, тем сильнее, тем постояннее. Значит, весь вопрос только в том, как использовать эти высокие воздушные реки. „Если гора не идет к Магомету, то Магомет идет к горе“. Надо, значит, поднимать на высоту ветросиловые установки. Эта мысль была впервые высказана и технически раз-

работана инженером Кажинским.

Представь себе воздушный змей, который запущен под облака. Но змей гигантских размеров. На змее имеется нечто вроде ветряной мельницы, только вместо крыльев вращается этакий цилиндр – винготор (винг по-английски – крыло, ротор – вращающаяся часть механизма). Чтобы вся машина была легче и поднималась на воздух, пустоты в огромных крыльях и других частях сооружения наполнены водородом. Кроме того, и сам ветер поддерживает аппарат. Вся же ветросиловая высотная электрическая установка прикреплена к земле стальной проволокой. По этой проволоке идет на землю от станции и ток. А ток получается оттого, что вращающиеся от ветра крылья приводят в действие мотор, который также находится на змее. Понятно? Вот на такой высотной станции я и буду работать.

Так мы завоевали ветер. Отныне он подчинен нам, на нас работает, послушный нашей воле. Теперь мы имеем неограниченный запас энергии.

Эта победа над ветром, конечно, не могла не напугать наших врагов. Почти каждый месяц поднимается в воздух новая высотная ветросиловая установка. „С неба“ льются на землю миллионы киловатт энергии. Мы становимся слишком сильны. И в страхе перед нашим растущим могуществом враги, быть может, и попытаются напасть на нас. Ну, что же? Мы победим их ветром! На нас будут работать бури.

А за меня ты не беспокойся. Если прилетят вражеские

аэропланы, воздушный змей всегда можно спустить на землю, смотав проволоку так же, как мальчики сматывают нитку змеек. Небольшие станции парят в облаках без людей. В случае аварии, для смазки частей, регулировки мотора, пополнения запасов газа и прочего их спускают на землю. Но часто спускать на землю такую мощную установку, как „Кондор“, не выгодно. Это ведет к потере энергии. Вот почему мы будем постоянно жить с Зоей на нашей „воздушной даче“. Зоя уже на последнем курсе и едет со мною как стажерка. Она – молодец. „Воздушный монтер“. Головокружением не страдает. Храбрая девушка. Не волнуйся и не беспокойся, дорогая! Мать должна быть мужественна. (Недаром созвучны Mutter – мать и Mut – мужество.) Я буду писать тебе каждую неделю. Привет отцу. Как его ревматизм?

Твой Лева.

P. S. Мои все товарищи по институту завидуют мне. Из окончивших в этом году только я один получил такое „высокое“ и ответственное назначение. Я внес кое-какие усовершенствования в конструкцию хвоста „воздушного змея“ (наша машина имеет и хвост). Изобретение было признано важным, оно-то и помогло мне получить „капитанский пост“, как говорят мои товарищи. „Кондор“ будет обслуживать электроэнергией огромный колхоз (большинство тракторов и автомобилей работает теперь на электрических аккумуляторах), лесопилку, целлюлозный завод и прочее. Работа интересная. Целую. Зоя шлет привет. Л.»

Электропоезд быстро мчал Миллера и Зою Тверьянову на юг. В пути были только две остановки.

«За агульным сталом курыць забороняецца», – прочла Зоя в буфете одной станции. – Белоруссия!

«За загальным столом просят не палити». – Над ними было уже небо Украины.

Еще несколько часов езды, и они на месте. Пирамидальные тополя, ночью похожие на кипарисы, устремляли свои острые вершины к звездному небу. Теплый, ласкающий ветер приносил «украинские» запахи трав и полей.

На высоком холме виднелось бесформенное сооружение. Это спал на земле последнюю ночь их «Кондор». Из соседнего сарая сквозь раскрытую дверь падал свет на поляну, выхватывая из мрака два грузовика. Слышались голоса, удары молота. Шли последние приготовления. Весть о приезде инженера быстро распространилась по мастерским и баракам. Отовсюду шли рабочие, колхозники.

– Ты бы отдохнула с дороги, Зоя, – предложил Миллер.

– Высплюсь на облаках, – улыбаясь, ответила девушка.

Вспыхнул свет временной электростанции. Яркий дуговой фонарь осветил «Кондор». Он стоял на причальном помосте. Центром всего сооружения была огромная «катушка» – вингродор, скрепляющая, как ось, весь аппарат. На концах оси были укреплены огромные плоскости в виде поллунок. Они должны давать боковую устойчивость «змею». Под катушкой помещалась палуба и на ней небольшая каюта

с двумя комнатами – будущее жилище Миллера и Зои. Позади «Кондора» через всю поляну почти на километр протянулся огромный хвост. На некотором расстоянии от причальной площадки стоял ворот с намотанным тонким тросом. Рядом виднелось здание небольшого газового завода, который вырабатывал водород для наполнения внутренних полостей «Кондора».

Миллер ринулся в работу, словно в бой. Его молодая энергия передавалась всем. Людской муравейник зашевелился.

Зоя не заметила, как подкралось утро. Погасли фонари. Розовый луч солнца осветил рога боковых плоскостей.

– Лезем, Зоя! – крикнул Миллер.

Он уже был у причальных мостков и быстро карабкался по отвесной лестнице. Зоя последовала за ним, легко и уверенно взбираясь все выше. Недаром она была премированной физкультурницей.

Через две минуты они были на палубе.

– Ветер в три балла. Слышишь, как шумят верхушки деревьев? – сказал Миллер. Он уверенно повернул рычаг. Лопасти ротора завертелись. – Три балла – вполне достаточный ветер, чтобы помочь нам взлететь. Помнишь «эффект Магнуса», Зоя?

Миллер скрылся позади каюты и сказал оттуда:

– Поверни выключатель возле двери каюты.

Зоя повернула. Послышался шум мотора. В каюте зажглась электрическая лампочка.

– Вот видишь, наша электростанция и заработала. Лет десяток назад не обошлось бы без торжества. Теперь торжествовать по такому случаю показалось бы так же странно, как по поводу проводки домашнего электрического звонка. Вниз я еще не даю тока. Тебе придется присматривать за мотором. Он установлен в закрытом помещении позади каюты.

Миллер подошел к краю палубы и, нагнувшись над железной оградой, крикнул, как настоящий капитан:

– Отдавайте концы!

Ворот завертелся, разматывая проволоку, «Кондор» начал подниматься вверх. Первые лучи восходящего солнца осветили лицо Зои, а внизу лежали еще ночные тени. Миллер посмотрел на Зою и ласково улыбнулся:

– Летим, Зойка! Не боишься?

– Не боюсь, Левка!

Могла ли она признаться, что ей было немножко жутко?

«Кондор» медленно поднимался. Ветер крепчал. Ротор вращался все сильнее. Миллер заботливо посмотрел на Зою.

– Напрасно ты не взяла своего чемодана. Надела бы свитер. Вверху будет совсем свежо. Не забывай, что мы будем жить на высоте, где «климат» горных вершин. Но это наш пробный полет. Спустимся и захватим все необходимое.

– Мне не холодно! – ответила Зоя.

Она смотрела вниз. Горизонт расширился и как будто поднимался. С каждой минутой открывались все новые дали: синеватый лес, ослепительно-красная излучина реки, дале-

кие фабричные трубы... На полях, словно жуки, копошатся тракторы. «Кондор» будет питать их электричеством!

Мотор вдруг начал давать перебои.

– Посмотри, Зоя, что с динамо! – сказал Левка.

Зоя отрегулировала мотор, и, когда вернулась, «Кондор» стоял уже неподвижно на большой высоте. Позади него протянулся, постепенно опускаясь, длинный хвост, колышущийся от ветра.

* * *

– Неисчерпаема энергия воздушного океана. Пройдет еще немного лет, и тысячи, десятки тысяч вот таких «Кондоров» начнут гордо реять над нашей страной. Ветер, превращенный в электроток, будет вращать наши машины, давать свет и тепло. Мы электрифицируем нашу жизнь, наш быт до мельчайших подробностей. Ветер возьмет на себя самые тяжелые работы. Человеческий труд облегчится. Люди будут иметь гораздо больше свободного времени, чтобы отдавать его науке, искусствам. Жизнь станет прекрасной.

– Да, Левка, жизнь станет прекрасна, – отозвалась Зоя.

И вдруг, сделав испуганные глаза, Зоя воскликнула:

– Левка! А как же мы будем обедать? Чем мы будем питаться?

– Нектаром и амброзией, как и следует небожителям, или же манной небесной. Ты проголодалась, Зоя?

– Признаться, да. Мне хочется есть. Ведь мы обедали еще за агульным или загальным столом!

– Потерпи немного. Мы скоро спустимся. А когда мы взлетим надолго, то будем спускать вниз проволоку и поднимать все, что нам необходимо. Здесь есть электрическая плита, и мы сможем подогреть кушанья, варить кофе. Время от времени нам придется спускаться, чтобы запастись газом. Как ни плотны оболочки «крыльев», все же диффузия существует. Думаю, что утечка газа будет небольшая, и нам едва ли придется спускаться чаще, чем раз в месяц, если только ты не соскучишься по земле.

– Нам некогда будет скучать, Левка!

– Но у нас достаточно будет и свободного времени. Мы запасемся книгами. На «Кондоре» имеются прекрасная радиостанция и телевизор. Ты сможешь видеть даже кинокартины.

– А по ночам мы будем заниматься астрономией. Не правда ли, отсюда чудесно наблюдать светила?

На воздушном океане
Без руля и без ветрил
Тихо плавают в тумане
Хоры стройные светил,

– вновь продекламировал Левка.

– А если в нашем воздушном океане произойдет буря, что мы будем делать, Левка?

– Нас притянут к земле и закрепят «Кондор» на якорях. На случай же катастрофы, например обрыва троса, у нас имеются парашюты.

Миллер показал Зое привязанные к перилам сложенные парашюты и объяснил, как обращаться с ними.

– Прихватываешь себя у груди вот этим ремнем и – господи благослови – бросаешься вниз. Летишь и считаешь до десяти, – запомни это, – и только когда просчитаешь до десяти, дернешь вот за эту веревку, и парашют раскроется.

Зоя невольно вздрогнула и сказала, понизив голос:

– Ты знаешь, я очень храбрая, Левка. Но я, кажется, никогда не решилась бы броситься вниз на парашюте. Что бы ни случилось...

– Ну, не будем говорить о таких вещах. Надеюсь, тебе не придется совершить такое сальто-мортале.

– Алло! – заговорил радиорупор. – Как дела?

– Все в порядке! – ответил Левка по радиотелефону. – Сейчас дам ток на землю. Есть? Отлично! Можете начинать спуск!

«Кондор» вздрогнул и стал медленно снижаться. Внизу люди наматывали на ворот тонкий трос.

– Надо будет механизировать работу этого ворота, – сказал Левка. – Итак, завтра мы начинаем жизнь на нашей небесной даче. Завтра мы дадим ток колхозным тракторам, заводам, военным автомобилям, дадим свет в дома и тепло в электрические печи. Довольно ветру лодырничать! Отны-

не бездельников не будут уже называть ветрениками. Ветер будет таскать, возить, косить, варить электрощи в колхозной электрофабрике-кухне и даже баюкать детей в колхозных яслях. Но сегодня мы поедим с тобой еще неэлектрифицированный украинский борщ!

* * *

На другой день произошло водворение Зои Тверьяновой и Миллера «на небеса». Весь аппарат был хорошо сконструирован, и, в сущности говоря, на «Кондоре» можно было иметь одного монтера. На малых ветросиловых установках обходились и совсем без людей. Но «Кондор» был слишком мощной ветросиловой электростанцией, чтобы его выводить из строя без крайней нужды. На всякий случай на земле был устроен очень простой аккумулятор: на вершине холма было выкопано целое озеро. Электричество поднимало воду речки, протекавшей у подножия холма, вода наполняла озеро. Когда «Кондор» почему-либо бездействовал, вода из этого резервуара пускалась вниз по трубе и приводила в движение турбину. Таким образом, все сооружение являлось как бы комбинированной ветро-гидро-электроустановкой.

Сам Миллер неотлучно находился на «Кондоре» главным образом потому, что здесь он продолжал свою научную и изобретательскую работу. «Кондор» был его лабораторией: Левка изучал силу ветра на различной высоте, проверял ра-

боту роторов, испытывал на ветру модели, вел дневники. Дело было новое. Миллер изыскивал всякие усовершенствования, изобретал автоматические регуляторы, отметчики. Зоя деятельно помогала ему.

Они запаслись всем необходимым: теплой одеждой, книгами. Пища и питье каждый день подавались им «на лифте». Миллер придумал и «спешную почту» – небольшой привязной баллон, который быстро поднимался к «Кондору».

Это была необычная жизнь в воздухе на высоте пятисот, тысячи и выше метров. Иногда «Кондор» поднимался над облаками. Волнующееся облачное море клубилось под ногами отшельников. Несколько раз под ними разражалась гроза. Страшные удары потрясали небесные просторы. Облака играли многократным эхо. Синие молнии сердито ломались в клубящихся тучах. Внизу были хаос, гром и буря. А над «Кондором» простиралось безоблачное голубое небо и ярко светило солнце.

Иногда вечернее облачко, подрумяненное солнцем, проплывало вблизи «Кондора». Зоя протягивала к нему руку и говорила:

– Иди к нам, небесный гость!

И, словно повинувшись этому зову, облако окутывало «Кондора» сырым туманом, оставлявшим капли на волосах и шерстяном свитере Зои.

– Не все поэтическое издали приятно вблизи! – смеясь, говорил Левка.

Воздух был прохладен, а солнце жгло. Щека, обращенная к солнцу, горела, а другая – в тени – мерзла. Миллер и Зойка сильно загорели.

– Вот где принимать солнечные ванны. Лучше, чем на пляже! – говорила Зоя.

– Да, и я уверен, что со временем большие высотные установки будут использованы как горные санатории! – отвечал Левка.

Вечерами молодые люди сидели на палубе и любовались звездами. Внизу, на земле, как звезды горели в домах огни электрических ламп, и Зое иногда казалось, что она находится в межпланетном пространстве: звезды и сверху и снизу окружали ее. Мелочи жизни оставались там, внизу, на земле. Здесь невольно приходили в голову мысли о далеких мирах, о жителях иных планет, о величии вселенной...

Спокойному созерцанию мешал только ветер. Если он ослабевал, то Левка тотчас отдавал приказ на землю поднять «Кондор» выше. И ветер вновь свистел в ушах, роторы быстро вращались, ток стекал по проволоке на землю, растекался по фабрикам, заводам, домам, живительной силой вливался в тракторы, машины, вертел, двигал, светил, грел, стирал белье, варил электрокашу...

Ведя воображаемые беседы с марсианами, Зоя иногда забывала о земле. Но земля сама напомнила о себе.

Пришла осень, непогожая, дождливая. Уже на высоте двухсот метров скорость ветра доходила до восьми-девяти метров в секунду. Внизу, на земле,гнулись тополя, роняя последние листья. Зоя ежилась, смотрела на быстро мчавшиеся облака и думала о зиме.

– Левка! Что мы будем делать, когда придут зимние вьюги?

– «Когда наступят зимни холода»? То же, что и теперь. Оденемся потеплее, только и всего.

– А если «Кондор» засыплет снегом?

– Не засыплет. Ротор прикрывает сверху. Сам он вращается, на него не осядет снег. Ну, а если немного и наметет на палубу, очистим. Надо будет только скорее сделать аппарат, который автоматически регулировал бы высоту полета в зависимости от силы ветра. Тогда нам не придется так часто выходить на стужу, чтобы посмотреть показания анемометра.

В этот вечер они рано забрались в каюту. Здесь было светло, тепло, уютно. Зоя читала, Левка обрабатывал записи автоматических аппаратов, чертил графики. За стеной мерно ворчал мотор. «Кондор» дрожал легкой дрожью, но к ней воздушные жители привыкли, как железнодорожники к тряске вагона.

– Алло! Алло! Алло! – неожиданно раздался тревожный голос. – Говорит земля. Миллер, вы принимаете?

– Кирсанов? Я вас слушаю!

– Внимательно слушайте! – продолжал голос. И черный диск рупора начал сообщать черные вести: – Из главного штаба получена радиотелеграмма. Румыния и Польша без объявления войны начали военные действия. Эскадрилья вражеских аэропланов перелетела границу. Аэропланы снабжены режущими приспособлениями для проволоки, к которой привязаны высотные ветросиловые установки. «Литке» и «Звезда» подрезаны и разбиты. Установите наблюдение. Если увидите врага, немедленно давайте сигналы, чтобы спустить «Кондор» на землю. Для его защиты к нам прибудет батарея зенитных орудий.

С немым ужасом, как загипнотизированная смотрела Зоя на блестящий кружок в центре черного диска. Был взволнован и Левка.

– Переходим на военное положение, Зойка? – сказал он с нервной веселостью.

– Одевайся теплее. Нам придется стоять на вахте всю ночь.

Надевая кожаные шлем и пальто на меху, он продолжал:

– А пулемет, пожалуй, теперь и пригодился бы нам. Признаться, я сам отказался от него: лишняя тяжесть. Ну, да спуститься на землю и взять на борт пулемет недолго. Идем! Постой! Надо переключить громкоговоритель на палубу Так.

Идем!

Ветер ударил в лицо. Тяжи свистели и дрожали. Весь «Кондор» словно напружился. Внезапно с двух сторон палубы ночную тьму прорезали яркие снопы света. Это Миллер зажег прожекторы.

С полевыми биноклями в руках Левка и Зоя стояли по обеим сторонам палубы. Облака быстро неслись по небу, клубились, сталкивались, громоздились. Рука Зои немела от тяжелого бинокля и холодного ветра.

От времени до времени Зоя бросала взгляд на анемометр. «Тринадцать метров в секунду... четырнадцать... пятнадцать... Шестнадцать! Неужели в такой ветер вражеские аэропланы решатся лететь? Ах, хоть бы разразился шторм!.. Барометр падает...»

Иногда среди клубящихся туч Зое мерещилась блестящая звездочка. Уж не вражеский ли это аэроплан, освещенный прожектором «Кондора»?.. Но звездочка исчезала и не появлялась. Обман утомленного зрения!.. «Семнадцать метров... восемнадцать...»

– Алло! Алло! – заглушая свист ветра, закричал громкоговоритель, прикрепленный к наружной стене каюты. – Алло! Наши военные автомобили прибыли на станцию для зарядки аккумуляторов. Давайте всю мощность «Кондора»!

«Девятнадцать... двадцать метров в секунду. Восемнадцать! Это уже шторм!» – подумала Зоя с облегчением. Чем крепче ветер, тем меньше вероятности на вражеский налет. Воз-

душный шторм защитит их от шторма военной непогоды. А «Кондор»? «Кондор» выдержит. Он привык встречать грудью своих роторов натиск ветра. И Зоя почти с нежностью посмотрела на цилиндр вингротора. Он шумел и гудел, как Ниагара. «Кондор» уже не дрожал, а трясся, словно в сильнейшем пароксизме лихорадки. Звенели и свистели тяжи. Хвост стоял горизонтально, вытянутый ветром в струну. Ветер распахивал полы кожаного пальто Зои, леденил ноги. От света прожектора болели глаза. Кружилась голова. Тяжелый бинокль оттягивал вниз руку.

«Двадцать три... двадцать шесть... двадцать восемь... если так пойдет дальше...»

Внезапно Зоя почувствовала толчок, и «Кондор» начал снижаться. Неужели порвался трос? Ведь все дело в тросе! Зоя напрасно любовалась «Кондором». Порвется тоненькая привязь, и вся эта махина станет беззащитной игрушкой ветра. «Кондор» сорвется и полетит кувырком, «гуляя», как детский оборвавшийся змей... Жизнь Зои висела если не на волоске, то на тонкой проволоке...

«Кондор» снижается равномерно. Это, вероятно, Левка ищет полосу, где ветер тише...

– Алло! Алло! – вновь заревел громкоговоритель. – Получен приказ: «Кондор» должен держаться на высоте до последней возможности, пока все аккумуляторы не будут заряжены. Давайте сигнал о спуске только в двух случаях: если увидите вражеский аэроплан или же если сила ветра будет

явно угрожать срыву «Кондора».

«Кондор» несколько опустился, но внизу ветер на этот раз был еще сильнее. Тогда Миллер решил подняться в верхние слои. Начались поиски «тихой воздушной гавани». «Кондор» то поднимался выше облаков, и над Зоей тогда светили безучастные звезды, то погружался в хаос клубящихся туч. В лучах прожектора они казались остервенелыми чудовищами, набрасывающимися на «Кондор». Несмотря на длинный хвост и боковые плоскости, «Кондор» начало бросать из стороны в сторону. Зоя положила бинокль в футляр и крепко схватилась за прут железной ограды. Он дрожал, как и всё на «Кондоре», и был холоден как лед.

«Тридцать... тридцать два... тридцать три... тридцать четыре метра в секунду. Десять... одиннадцать баллов! Сильный шторм, переходящий в ураган... Жизнь на стальном волоске... Жизнь...»

– Зоя... Зойка!

Тверьянова повернула голову, словно пробуждаясь от забытья. Крепко держась за перила, перед ней стоял Левка. Лицо его побледнело. Губы нервно подергивались. Он попытался улыбнуться, но улыбка не удалась. Наклонившись к Зонному уху, он закричал:

– Как чувствуешь себя, Зоя?

– Отлично! – ответила она.

Левка помолчал, словно колеблясь принять какое-то решение. Затем закричал вновь:

– «Кондор» не выдержит такого шторма. Трос лопнет. Напряжение слишком велико. Нельзя погубить «Кондор». Надо спускаться. Я отдам приказ.

– А аккумуляторы военных автомобилей?.. – спросила Зоя.

Губы Левки опять дрогнули.

– Если «Кондор» сорвется, всех аккумуляторов все равно не зарядить, – прокричал он в ответ.

Зоя пытливо заглянула ему в глаза. Она хотела прочитать его мысли. И чутьем отгадала их.

«Ты боишься не за „Кондор“», – подумала она и прокричала:

– Попробуй подняться еще раз до самого «потолка» – на всю длину троса!

Левка пожал плечами.

– Поднимались. Везде одно и то же. Шторм...

– Но ветер может измениться. Прошу тебя!..

Левка неопределенно пожал плечами и отошел. Вот он что-то крикнул в трубку телефона...

«Кондор» начал подниматься. Над головой Зои снова показались звезды. Там где-то был Марс со своими загадочными марсианами. Но в эту минуту она не думала о них.

«Так... молодец... Чем выше от земли, тем лучше...» Зоя, не выпуская перил, добралась до парашюта, сбросила меховые перчатки, с трудом обвязала себя выше груди широким ремнем, отвязала парашют, сжала конец веревки, которая

раскрывает парашют, и, зажмурив глаза, бросилась в клоко-
чущий под нею океан облаков.

«Раз... два... три... четыре...»

Левка увидал, как темный предмет метнулся вниз и
скрылся в облаках. Острая боль пронзила сердце. Он бро-
сился к Зое. Ее не было на палубе. Не хватало и одного па-
рашюта. Левка понял все: она «развязала ему руки».

Шатаясь, Миллер подошел к радиотелефону. Он хотел от-
дать приказ о том, чтобы «Кондор» немедленно спустили
вниз.

Шторм валил его с ног. О, этот шторм! Он отнял у него
самое дорогое. Разве можно рассчитывать на благополучный
спуск при таком ветре? Зоя, конечно, погибла. Теперь все
кончено...

И Миллер ограничился только тем, что крикнул в радио-
телефонную трубку:

– Тверьянова бросилась на парашюте. Пошлите людей на
розыски!

Зою Тверьянову нашли за двадцать километров на верши-
не дерева. Перелом ноги, ссадины по всему телу. Но она бы-
ла жива. Исключительная удача для такого безумного прыж-
ка.

Первыми ее словами, когда она пришла в себя, были:

– Все ли аккумуляторы заряжены?..